

гренимъ путемъ усвоить истины и поэтому самому всегда подлежащую воздѣйствию общественнаго мнѣнія.

Общественное же мнѣние не нуждается для своего возникновенія и распространенія въ сотняхъ и тысячахъ лѣтъ, и имѣеть свойство заразительно дѣйствовать на людей и съ большою быстротою охватывать большія количества людей.

«Но если даже и справедливо», скажутъ защитники существующаго строя, «то, что общественное мнѣние, при извѣстной степени своей опредѣленности и ясности, можетъ заставить инертную массу людей внѣ христіанскихъ обществъ — нехристіанскіе народы — и людей испорченныхъ и грубыхъ; живущихъ среди обществъ, подчиняется ему, то какіе признаки того, что это христіанское общественное мнѣние возникло и можетъ замѣнить дѣйствіе насилія?»

«Нельзя рисковать, отбросивъ насиліе, которымъ поддерживается существующій порядокъ, положившись на неосязаемую и неопредѣленную силу общественнаго мнѣнія, представивъ дикимъ людямъ внѣ и внутри обществъ безнаказанно грабить, убивать и всячески насилловать христіанъ».

«Если съ помощью власти мы насилу отлившемся отъ нехристіанскихъ элементовъ, готовыхъ всегда залпъ насъ и уничтожить всѣ успѣхи христіанской цивилизаціи, то есть-ли, во-первыхъ, вѣрнѣе того, чтобы общественное мнѣние могло замѣнить эту силу и обезпечить насъ, а во-вторыхъ, какъ найти тотъ моментъ, въ который общественное мнѣние стало настолько сильно, что можетъ замѣнить власть? Отмѣнить власть и положиться для защиты себя на одно общественное мнѣние значило бы поступить такъ же безумно, какъ поступилъ бы человекъ въ звѣриницѣ, который, отбросивъ оружіе, выпустилъ бы изъ клѣтокъ всѣхъ львовъ и тигровъ, полжавшись на то, что звѣри въ клѣткахъ и подъ раскаленными прутами казались смиренными».

«И потому люди, имѣющіе власть, поставленные судьбою или Богомъ въ положеніе властвующихъ, не имѣютъ права рисковать погибелью всѣхъ успѣховъ цивилизаціи только потому, что они пожелають сдѣлать опытъ о томъ, можетъ или не можетъ общественное мнѣние замѣнить огражденіе власти, а потому и не должны прекращать насилія».

Французскій забытый теперь писатель *Alphonse Karr* сказалъ гдѣ то, доказывая невозможность уничтоженія смертной казни: «*Que Messieurs les assassins commencent par nous donner l'exemple*», *) и много разъ я потомъ слышалъ повтореніе этой шутки людьми, которымъ казалось, что этиими словами выражень убѣдительный и остро-

умный доводъ противъ уничтоженія смертной казни. А между тѣмъ нельзя яснѣе выразить всю ложь довода тѣхъ, которые считаютъ, что нельзя правительствамъ отмѣнить насиліе до тѣхъ поръ, пока люди способны къ нему, какъ именно этой шуткой.

«Пусть», говорятъ защитники правительственнаго насилія, «убійцы покажутъ намъ примѣръ, отмѣнивъ смертоубійство, тогда и мы отмѣнимъ его». Но убійцы говорятъ то же самое, но только съ гораздо большимъ правомъ. Убійцы говорятъ: «пускай тѣ, которые взялись учить насъ и руководить нами, покажутъ намъ примѣръ отмѣненія смертоубійства, тогда и мы послѣдуемъ ему». И они говорятъ это не для шутки, а серьезно, потому что дѣйствительно таково положеніе дѣла.

«Мы не можемъ прекратить насиліе, потому что мы окружены насильниками».

Ничто болѣе этого ложнаго разсужденія не препятствуетъ въ наше время движенію впередъ человечества и установленію среди него того строя жизни, который свойственъ уже его темерешнему сознанию.

Люди, обладающіе властью, увѣрены въ томъ, что движеть и руководить людьми только насиліе, и потому для поддержанія существующаго порядка смѣло употребляютъ насиліе. Существующій же порядокъ держится не насиліемъ, а общественнымъ мнѣніемъ, дѣйствіе котораго нарушается насиліемъ.

И потому дѣятельность насилія ослабляетъ, нарушаетъ то самое, что она хочетъ поддерживать.

Насиліе всегда, въ лучшемъ случаѣ, если оно не преслѣдуетъ однихъ личныхъ цѣлей людей, находящихъ во власти, отрицаетъ и осуждаетъ въ одной неподвижной формѣ закона то, что болшею частью уже гораздо прежде отрицалось и осуждалось общественнымъ мнѣніемъ, но съ тою разницею, что тогда какъ общественное мнѣние отрицаетъ и осуждаетъ всѣ поступки, противные нравственному закону, захватывая поэтому въ свое осужденіе самыя разнообразныя положенія, законъ, поддерживаемый насиліемъ, осуждаетъ и преслѣдуетъ только извѣстный, очень узкій рядъ поступковъ, этимъ самымъ какъ бы оправдывая всѣ поступки такого же порядка, не вошедшіе въ его опредѣленіе. Общественное мнѣние уже со времени Моисея считаетъ корыстолюбіе, распутство и жестокость зломъ и осуждаетъ ихъ. Оно отрицаетъ и осуждаетъ всякаго рода проявленія корыстолюбія, — не только приобрѣтеніе чужой собственности насиліемъ, обманомъ, хитростью, но и жестокое пользование ею; осуждаетъ всякаго рода распутство, будь то блудъ съ наложницей, невольницей, разведенной женой и даже своей; осуждаетъ всякую жестокость, выходящую въ побояхъ, въ дурномъ

*) Пусть господа убійцы сначала подадутъ намъ примѣръ.